

СТРАННИК СУДЬБЫ

АРТЕМИЙ ЛУКИН

Серия Ветра

Артемий Лукин
Странник Судьбы

«Автор»

2026

Лукин А.

Странник Судьбы / А. Лукин — «Автор», 2026 — (Серия Ветра)

Что связывает наёмника, видевшего гибель тысяч, и колдунью, чьи слёзы падают на промёрзшую землю Хронты? Судьба, начертанная задолго до их встречи. После катастрофы на перевале, где армия мертвецов оставила лишь тишину, линии их жизней сходятся. Ясновидец дал им миссию — и теперь, вопреки всем опасностям, Тобиас и Розалия должны идти на юг. Что ждёт их в конце пути? Вторая книга эпического фэнтези раскрывает новые грани мрачного мира и судьбы героев, которым суждено изменить его.

© Лукин А., 2026

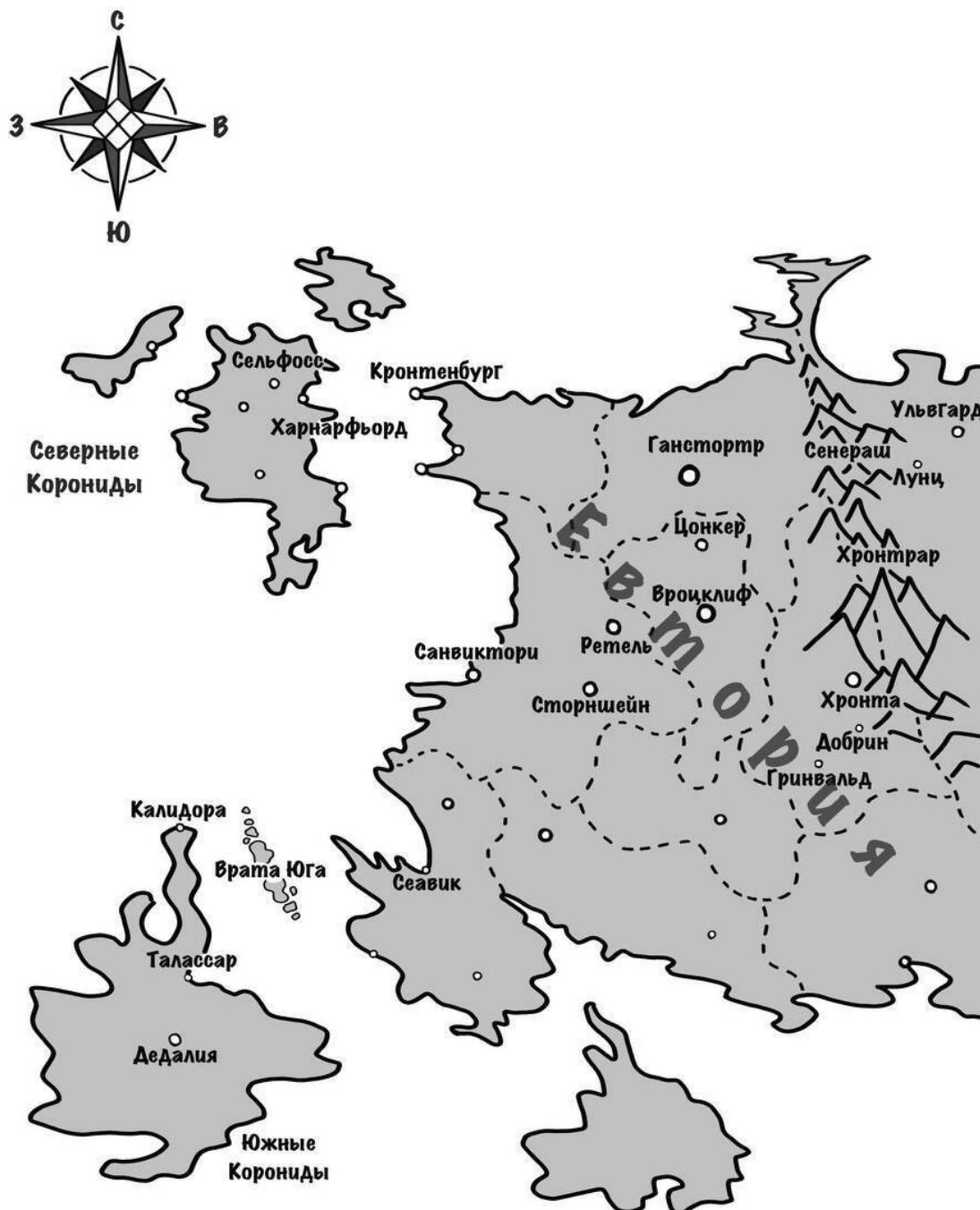
© Автор, 2026

Содержание

Карта мира	5
Пробуждение	7
***	8
***	9
***	11
***	12
***	14
***	15
***	17
***	19
***	20
***	22
***	24
***	26
***	28
***	30
В	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Артемий Лукин Странник Судьбы

Карта мира

Пробуждение

Лишь тусклая полоска света позади воина освещала горизонт. Впереди была одна темнота и холод. Аккуратно ступая меж останков мертвецов, воин медленно пробирался вперед. Бросив последний взгляд на крепость, охваченную пламенем, он прислушался. Зычные приказы сотников стихли, и теперь до мужчины доносились лишь крики его товарищей. Еще недавно, буквально несколько минут, назад он стоял плечом к плечу с теми, с кем поклялся защищать свою землю. Но все переменилось.

Еще в Ганстортре он впервые услышал о том, что Нордланд собирается напасть на восточные земли Ганста. Усмехнувшись, с товарищем, они одними из первых прибыли к месту вербовки и записались в отряд. Им повезло. Сотник не гонял их на бесконечные учения, а дармовая еда, да пожитки были как нельзя кстати. Ни он, ни сотни других новоприбывших не верили в то, что война близка как никогда. Все украдкой смеялись над докладами воевод, что словно глашатаи твердили одно: «Война неизбежна. Мы должны быть готовы!»

Но, морозным февральским утром все переменялось, и многотысячное войско выдвинулось на восток. Прямоком к перевалу, что разделял западную и восточную части континента. Из разговоров десятников он понял, что движутся они к Сенерашу. Перевалу, что имел скверную славу. Из рассказов деда он помнил, что несколько веков назад именно там произошла первая битва между тогдашним Нордландом и Ганстом. Благо западная держава устояла и, несмотря на разгромное поражение на Сенераше, смогла отбить последующие атаки, изгнав северян из своих земель.

— Так значит, теперь наша очередь? — Кармин поднял глаза на десятника, что шагал справа от него.

— Ты о чем, малой? — не понял вопроса бородатый мужчина, облаченный в теплый сермяжный кафтан.

— Сенераш. — замялся парень, — Теперь наша очередь остановить нападение?

— А. Не забивай себе и другим голову дурными мыслями. — обвел суровым взглядом воинов, что шли рядом, десятник, — Наше дело простое. Сказали идти — иди. Сказали рубить — руби. Чем меньше вопросов, тем легче жить.

— И все-таки? — не сдавался Кармин.

— И все-таки... — поправил большой мешок за спиной мужчина, — Подумай о том, что я тебе сказал. Но особо не усердствуй. Думай лишь о моих словах. Позже я вернусь, и мы поговорим.

Кармин коротко кивнул и опустил голову на свои новые сапоги, что утопали в плохо утоптанном снегу.

— Вечно тебе нейдет. Вопрос про то, вопрос про это... — поравнялся с ним Тобиас.

— А тебе не интересно?

— Интересно что?

— Куда и зачем мы идем.

— Не-а, — легко выдохнул Тоби, — И так все ясно. Воеводы уже, как с неделю, толкают речи про нашу древнюю и великую страну. И приправляют это рассказами о варварах с востока. Сам-то подумай. Куда мы идем?

— На восток.

— К Сенерашу, дурень. Это единственный перевал в Хронте. Если еще не догадался, то ты прав. Теперь наша очередь заткнуть своими телами дырку в хребтах, чтобы всякая дрянь не пролезла на наши земли.

— Я-то догадался, просто хотелось убедиться.

— Убедиться ему захотелось. Может тебе еще и баньку растопить, да девку туда подсадить? — рассмеялся Тобиас, привлекая внимание идущих рядом ратников, — Тебе уже сказали: иди, куда указано, бей то, на что указано.

— Воля твоя. — согласился Кармин, не желая больше обсуждать эту тему.

Горы были прекрасны. Даже жуткий холод и ветер, что пронизывал до костей, не могли умерить их величие и монументальность. Каждое утро солнце поднималось из-за них, озаряя мир холодными лучами, а к вечеру окрашивало пики скал в ярко-багряные оттенки. Прошло больше недели с того момента, как войско вышло из Ганстортра, и только вчера они достигли цели своего пути — чистое поле. Судя по рассказам сотника, тут когда-то давно была деревня, носившая название Сенераш. Что было названо ранее поселение или сам перевал, так и осталось загадкой. Переход был тяжелым. Казалось, что сама погода была против этого похода. Из сотни Кармина и Тоби до стоянки добралось лишь девяносто человек. Четверо слегли на третий день с удушающим кровавым кашлем, их похоронили прямо у тракта, в неглубоких, наспех вырытых могилах. Пятеро остались лежать раскиданными по небольшим поселениям с отмоороженными ступнями и пальцами. А об одном говорили, будто он дезертировал. Начхал на клятву и улизнул из ночного караула. Поутру хотели послать за ним погоню, следы были четкими и свежими, однако сотник лишь махнул рукой: «Нечего народ разбазаривать на эту шелупонь. Боги его сами накажут».

Лагерем стояли с неделю, а может, и больше, благо запасы постоянно подвозили, и войско не голодало. Порой, когда одолевала скука, Тобиас доставал из сапога засаленные кости. И, тайком оглядываясь, собирал вокруг себя азартных ребят. Подобные игры были запрещены в лагере. Но кого это могло остановить, когда сидишь на мерзлой земле с неделю и уже волком готов выть от скуки и холода. Сначала играли на деньги, после, на будущие жалования. Те, кто проигрался в пух и прах, играл на свои пайки и личные теплые вещи. Так и проходили дни в ожидании того, о чем никто ничего не знал.

Все изменилось одним утром. Прошел слухок, что в лагерь прибыл Странник Ветра с женщиной. Кармин сидел у большого костра и ворошил палкой прогоревшие поленья, не обращая внимания на суету, что развернулась среди его соратников. Завидев скучающего наемника, к нему подсел Тобиас:

— Отчего невесел?

— А отчего мне веселиться-то?

— Поговаривают, что мы здесь дожидались именно их.

— Десятки тысяч воинов ждут Странника Ветра с его подружкой? — ухмыльнулся Кармин.

— Полегче друг, Странники Ветра — это тебе не приходские жрецы мелких божков из твоей деревеньки. Их уважают. Советую тебе более избирательно подходить к выбору слов, когда говоришь о НИХ.

— А когда ты успел проникнуться к ним такой страстью? — прищурился взгляд, ответил Кармин.

— Меня бабка этому учила. Говорила, что если Странник Ветра пожаловал, то немедля раскрой ему все свои секреты, тайны и прегрешения.

— Вот оно как. Вопросов больше не имею к тебе, мой друг. — ухмыльнулся парень.

— Рад, что тебе полегчало, а то сидел тут, будто портки обмочил и думал как бы это скрыть.

— А что по его спутнице? — перевел тему Кармин.

— Спутнице? — растерялся Тоби, — А, ты про эту черноволосую? Да ничего. Поговаривают, что она ведьма.

— Ведьма? — вновь удивился воин.

— Ну так только говорят. Точно не знаю. Но, вот что я знаю наверняка, так это то, что скоро мы куда-нибудь двинем.

— Пора бы уже. Еще неделю в этом дырявом шатре я не выдержу.

— И что тогда? Сбежишь? Я тут говорил с ветеранами и знаешь, что они сказали?

— Так поведай, меня там не было.

— Сказали благодарить богов за возможность сидеть на заднице и хлебать дармовые щи.

Все могло быть хуже.

— Неужто?

— Ты бы уже давно мог лежать рылом в холодной земле, присыпанный снегом, от случайной стрелы северянина.

— Ну, тут правда твоя. — ухмыльнулся Кармин, поднимаясь на ноги, — А по какому случаю все носятся?

— Да тебе в уши и вправду луговые феи нужду справили, — вздохнул Тобиас, — Приказали пожитки собрать и быть готовыми к переходу. Объявят в любой момент.

— Куда переход?

— Вот этого не сообщили. Но я пообщался с местным ведуном...

— Где ты его нашел?

— Да есть тут, среди новобранцев, видал небось. Высокий такой, от него еще мочой несет за версту.

— Избавь...

— Ладно, ну так вот, он говорит, что видит, как мы на запад идем.

— Обрати?

— Ну получается. Мы же на восток топали? Если солнце все еще всходит на востоке, то и топать нам обратно.

— Странно это...

— Слишком много думаешь. Забыл, что тебе десятник сказал? Сказали идти — иди.

Сказали...

— Да помню я, — отмахнулся Кармин, — Ладно, пойду собираться, а то с твоим языком просижу тут до рассвета.

— Сочту это за комплимент.

Воин скрылся в большом шатре, оставив своего товарища сидеть у костра.

— Больно он серьезный, — покачал головой, сидящий справа от Тоби старик.

— Молодой еще, — пожал плечами мужчина, — Точнее, уже и не молодой, но и недостаточно старый, чтобы смотреть на этот мир через улыбку.

— А ты, значит, уже достаточно стар? — оскалил желтые зубы воин.

— Нет. Недостаточно. Но видел многое.

— А по тебе так и не скажешь. Нет, видно, конечно, что ты с улицы, и в твоей заднице золотой ложки не торчало, однако таких, как ты тут сотни, если не тысячи.

— А ты взгляни мне в глаза, старик. — вонзил свои холодные глаза в темные провалы глазниц воина Тобиас.

— Глаза как глаза. Бесноватые слегка. Это вижу.

— То-то и оно. — цокнул языком Тоби.

— Черт тебя дерит, — выругался дед, медленно поднимаясь с бревна, — Голову не баламуть, дольше проживешь.

— Может и проживу, — склонил голову воин и повторил в пустоту, — Может и проживу...

Следующее утро началось с громкого, режущего слух горна. Жуткий утробный звук раздавался над сонным лагерем, вырывая воинов из благодной дремоты в холодное зимнее утро. Запыхавшийся десятник завалился в шатер и хриплым голосом возвестил:

— Подъем ленивые скоты! Рога не слышите? На выход! Живо!

Кое-как накинув кафтан на плечи, Тобиас выбрался из шатра и припустил в сторону построения, где сотник уже рычал на едва поднявшихся бойцов.

— Приказ следующий. Снимаемся с лагеря к обеду и выдвигаемся. Это все. Живо за дело! Десятники, ко мне!

— А в какую сторону двигаем? — раздался голос Кармина из дальнего ряда.

— А тебя это не касается. Куда скажут, туда и двинем! — брызжал слюной сотник.

Ухмыльнувшись незадачливости своего товарища, Тоби направился напрямиком к нему.

— А ты все никак не научишься? — ухмыляясь, подошел он к застегивающему кафтан воину.

— За вопросы спроса нет.

— Это пока что. Он тебя запомнил, — бросил взгляд на сотника, который что-то объяснял десятникам, Тобиас, — Еще пара вопросов и будешь сидеть в яме. Безусловно, в яме для самых умных и любопытных.

— Без тебя тошно, — справившись с рядом пуговиц, выдохнул Кармин.

— Коли тошно, то добавлю еще, ты в начале пропустил, — указал он на петельку, оставшуюся без пуговицы.

— Да черт с ним. Тебя это не раздражает?

— Пуговицы-то? Раздражали. Лет эдак до семи, потом батька пару оплеух отвесил, тогда-то я и научился их сам застегивать без мамки.

— Я не о том. Идти куда-то. Но никто не скажет сразу куда. К чему эта скрытность?

— Скрытность? Боги с тобой Карми. Видишь, он с десятниками треплется? Сейчас им все объяснит, чтобы на сотню мужиков голос не драть. А десятники уже нам все и расскажут. Да и нечего нам слишком много знать. Судачить начнем, да языками трепать — а это доля бабская. Не наша. Наше дело молча спорится.

— Может, правда и твоя. Но не по душе мне все это.

— Да кого вообще волнует по душе ли тебе что-то? Ты нанялся в ополчение. Теперь будь добр жить и плясать под чужую дудку. Другого не дано. — закончил спор Тобиас.

Махнув рукой в сторону Тоби, Кармин развернулся и направился в общий шатер, который уже разбирали.

За всей этой суматохой прошло начало дня. Во время сборов воины обсуждали возможные варианты и направление движения войск. Большинство рассчитывали, что они отправятся обратно в сторону Ганстортра, однако, находились скептики, что утверждали, будто им известно чуть больше остальных, и будто бы двигать будут в сторону перевала, чтобы тайно проникнуть на территорию Нордланда, и нанести внезапный удар. Десятники лишь отмалчивались, а на любые расспросы лаяли, призывая скорее собирать лагерь.

Кармин и Тобиас состояли в одной сотне, однако десятники у них были разными. Наемников не смутило это деление, ведь, по сути, оно было условным, и войско двигалось сотнями. Однако сейчас, десятник собрал Тоби и его товарищей, и, отведя в сторонку, произнес:

— Значица так. Выходим через полчаса. Все свое берите с собой. У меня все.

— А куда мы отправляемся? — задал вопрос один из воинов.

— На Сенераш. — коротко ответил мужчина, — Давайте живее, трепаться будете в дороге.

Собрав свои немногочисленные пожитки в мешок и закинув его за спину, Тобиас вышел из шатра и оглянулся в поисках своего товарища. Однако того нигде не было. Спросив сидящих у костра мужиков, он, к своему удивлению, обнаружил, что оставшаяся часть сотни никуда не собирается. Прибыв на место сбора, он заметил десятника, что сидел на телеге полной мешков и задумчиво вглядывался в крутые склоны Хронты.

— Только мы идем к перевалу? — задал вопрос Тобиас, подойдя к мужчине.

— Нет. Нас две-три тысячи. И не спрашивай меня, зачем они решили поделить сотни. Я не знаю.

— Да я и не спрашивал. Не наших умов это. Но унять любопытство все же хотелось.

— Сам знаешь, как поступить с этим желанием, — криво усмехнулся десятник.

— А что в мешках? Несет за версту.

— Полынь. Ты бы поправил их, а то того глядишь, рухнут по пути и не довезем мы их. Либо сотник запряжет таскать бочки с маслом.

Усмехнувшись, Тоби подошел к и без того надежно лежащим мешкам, и принялся перекидывать их с места на место. За этим делом он провел оставшееся время, пока остальные бойцы тащили тяжелые бутылки с маслом и раскладывали их по повозкам.

— Так зачем нам понадобилось столько полыни и масла? — спросил он, когда караван отправился в путь.

— Не знаю я, — отмахнулся десятник.

— А чего тут не знать-то, — ответил седобородый старик, что шел по другую сторону телеги, — Полынь от нечисти всякой спасает. А масло... Так нежить огня, как... огня боится, — запнулся он.

— Огня как огня? — рассмеялся рыжеватый воин, позади телеги.

— Не цепляйся за слова. Суть ты уловил.

— Мы что это, супротив мертвяков идем? — округлил глаза Рыжий.

— Не знаю ничего. — вновь ответил десятник, — Прекращайте этот базар. Себе бошки крутите, так хоть других в покое оставьте.

— Мудрые слова, — кивнул Старый, — Нельзя допускать снижения боевого духа отряда, это ведет к повышенному уровню дезертирства и мокрых портков. Уверен, именно это тебе говорили при обучении.

— Каком еще обучении? — с досадой вздохнул десятник.

— Ну на том, где вас обучают вести бойцов, командовать и все такое.

— Нету такого. Сразу вас приставили, мол, иди знакомься, да строй.

— Эво как...

Дальше отряд пробирался под байки Старого и Рыжего про былые деньки и самых распутных девок Ганстортра, что успели они повидать за свою жизнь.

Остатки крепости показались перед ними в закатных лучах, что освещали верхушки разрушенной башни.

— Сюда мы шли?

— Видимо, да.

— Надеюсь, нас не заставят отстраивать эти руины? Я, конечно, не против, но что-то среди запасов я не видел вина да баб. А без них... Это дело затянется. — осматривая остатки стены, заметил Рыжий.

— По слухам, — начал Старый, — Именно тут войска Ганста и Нордланда схлестнулись многие века назад. Славная была битва. Жалко, нашу оборону прорвали. Да так, что отступить пришлось аж до стен Ганстортра.

— Паршивое место, — шмыгнул носом Тобиас.

После короткого привала и скудного ужина всех согнали под стены копать ров. Земля была промерзшей и ничем, кроме киянки не бралась, оттого, процесс шел медленно. Люди злились и ругались. Несколько раз Тобиас видел, как десятник хватал за руку особо разговорчивого воина, и отводил в сторону.

— Еще час в этой могиле, и она станет моей. — пыхтя киянкой, заверил окружающих Рыжий.

— Вот бедолага то, — подал голос воин из другой десятки, — Мы-то тут отдыхаем, сидим в тепле, да с элем.

— Я не говорил, что вам приходится легче.

— Ну и нечего жаловаться тогда. Работай молча!

— Ты решил мне приказывать? — поудобнее перехватывая киянку, спросил Рыжий.

— Эй! — послышался голос сверху.

Над ними стоял мужчина со светлыми волосами, облаченный в доспех. Глаза его неотрывно следили за рукой Рыжего.

— Прощения прошу, господин, — на всякий случай извинился наемник, признав незнакомца за одного из воевод.

— Не за что тебе прощения просить, — опустил на колено воин, доставая из мешка какие-то прутики. — Земля здесь скверная. Тысячи душ, истосковавшихся во льду, добрались до живых. Вот, возьмите. Это поможет.

Воины приняли веточки полыни и удивленным взглядом проводили мужчину.

— А кто это? — наконец спросил Рыжий.

— А хрен его знает, он с воеводой приехал. Говорят, что это тот самый Странник Ветра, коего мы в полях две недели дожидались.

— Странник Ветра? — переспросил Старый, засовывая ветку полыни за пазуху.

— Он самый.

— Значит, плохи наши дела, коли он тут крутится.

— С ним все полегче-то будет.

— А без него и вовсе просто было бы, — сплюнул на снег старик, — Они приходят, лишь когда беда неподвластна обычному человеку. Вот и подумайте, что нас ждет, если он тут...

Воины молча переглянулись и принялись дальше вгрызаться в студеною землю. С каждой минутой они чувствовали, как напряжение и злоба, медным обручем сковывающие их головы, ослабевали. Когда солнце село, а ров был им по пояс, сотники обошли свои участки и дали команду на отдых. Выбравшись из канавы, они направились за стены: разбивать лагерь и ужинать.

— Так как ты попал в наши ряды? — спросил сидевший у костра Старый.

— Да также как и вы все, — пожал плечами Тобиас, — Услышали с другом о найме, да и пришли.

— Вот они: истинные верноподданные Ганста! — ухмыльнулся Рыжий, — По первому же зову встали на защиту своей земли.

— Красиво, конечно, — ухмыльнулся Тоби, — Да встали мы сюда за деньги. Как и большинство вас.

— Тут ты прав, малой, — засмеялся Старый, — Но со мной-то все ясно: свое уже отжил, а деньги детям никогда лишними не будут. А вот что же приключилось с вами? Все здоровы, вроде не идиоты. Отчего рветесь? Неужто другой достойной работы нет для вас, кроме как разменивать свои жизни на монеты?

— Работа может и есть, да только не для ремесла мои руки. С детства они чешутся вдавить кому-нибудь, да посильнее. И ни к чему другому душа не лежит. Вот хоть режьте, а ремесленником быть — ну не мое. — отрезал Рыжий.

— А мы с Кармином просто ждали возможности. Решили, что это она. — заметил Тоби.

— А где твой друг-то?

— Остался в лагере, его десятка не с нами.

— Что-то мне кажется, что это была его возможность, но никак не твоя. — горько усмехнулся старик.

— О чем ты? — спросил его Рыжий.

— А вы, ребята, еще совсем зеленые, раз до сих пор не сложили мягкое с горячим.

— Ну так растолкуй нам, опыта-то у тебя в любом случае поболее.

— Нас тут тысячи три, так?

— Ну, допустим, — выдохнул Тоби, предчувствуя долгий разговор.

— Так ответьте мне, воины, — нарочито молодецким голосом проговорил старик, — Зачем отправлять такое малочисленное войско в авангард?

— Затем, чем мы и занимаемся тут весь день — готовить оборону.

— А подскажи мне, много ли ветеранов среди нас?

— Ни одного, — нахмурился Тобиас. — Кроме десятников да сотников... Да. Точно, ни одного.

— И тут ты практически прав. Вон там, в отдалении от стен, сидит две десятки — все как на подбор вояки. Так послушайте старого. Мы здесь, чтобы замедлить вражий натиск. И, разумеется, ценой своих жизней. Королю несподручно воевать на перевале. Провизию хрен подвезешь, огромное войско не развернуть, а конница попросту потонет в этих снегах. Мы тут, чтобы принести свои жизни в жертву Ганста.

— Ты прав, старик, — послышался в стороне холодный голос.

Оглянувшись, они заметили Странника, что ранее выдал им травы.

— Подсяду? — спросил он, подойдя к группе.

— Садись, — выразил общее мнение Рыжий.

— Так что это, нас как скот? На убой?

— Нет. Нас не бросили. — твердо ответил путник, подбрасывая в костер какие-то травы. Костер зашипел и выбросил в воздух светлое облако горько пахнущего дыма.

— Тогда, может, объяснишь? Пока что, все выглядит именно так.

— С рассветом подойдет основное войско. А мы здесь лишь для того, чтобы подготовить и укрепить рубежи. Перебросить десятки тысяч солдат — непростая задача.

— Не будь ты Странником Ветра, усомнился бы я в твоих словах. — проговорил Старый.

— Не стóит сомневаться в словах, что говорят вам десятники, они лишь передают то, что велено. И не судите их за скупость речи. Они и сами мало знают. В любом случае ночь будет долгой, и, быть может, придется поднять оружие, оттого речи мои могут быть не до конца истинны.

— Спасибо, — взглянул Тоби в темные глаза Странника. — Как тебя звать?

— Истредд.

— Приятно. Я Тоби, а это Рыжий и Старый. Не спрашивай, почему они скрывают свои имена, это их воля.

— Я и не собирался.

— Слушай, а ты ведь вхож к нечисти? — оживился Рыжий.

— Нет. Я борюсь с ней.

— Ну все одно. Вот скажи мне. Русалка-то, по сути, красивая баба. Да, со странностями, но все же. Если ее это самое, она станет нормальной?

— Мавки, русалки, водные бабы — есть нечисть, и другие мысли недопустимы. Исправить их природу невозможно. Можно лишь изгнать.

— Вот оно как, — задумался Рыжий.

— Погоди, ты что... Собрался русалку? Это самое? — округлил глаза Тоби.

— А ты видал их? Природа их явно не обделила. Такая баба на вес золота.

— Русалки — это в основном девы, утонувшие в прудах, — покачал головой Истредд, — По своей сути, мертвяк. И несет от них соответствующе. Да и падки они на человечину. В любом случае, если дорожишь своей жизнью, держись-ка от них подальше.

— Эво как. — медленно закивал головой Старый. — Знаешь, Рыжий. Если так уж сложится, что слягу я первее тебя, держись-ка ты от моего тела подальше.

— Ой, да иди ты!

Травы, что подбросил в костер Истредд, делали свое дело, и настрой группы переменялся. Злоба места отступила, и, сославшись на дела, он ушел.

Зычный, глубокий звук рога настиг их в момент, когда они все также сидели у костра и травили байки. Сначала они даже не поверили. Лишь начали оглядываться по сторонам, ловя такие же удивленные взгляды. И лишь крик сотника, заметившего нерасторопность бойцов, привел их в чувство:

— Подняться! Занять позиции! Десятники, соберите своих людей и живо на стену!

К их небольшой кучке подбежал запыхавшийся десятник, прокричал:

— Вставайте, за оружие. Северяне идут!

— Ночью? — разочарованно произнес старик.

— От этих гадов можно ожидать что угодно! Давайте живей! Мы стоим на правом фланге!

Подобрав копыя, наемники двинулись за десятником. Лагерь напоминал большой муравейник, который палкой растормошил любопытный малец. Однако за всем этим хаосом, криками и руганью прослеживалась слаженность и точность. Лучники уже заняли свои позиции и натягивали тетиву на луки. Подойдя в правую часть крепости и протиснувшись сквозь ряды лучников, они заняли свои места в шеренгах. Перед Тобиасом стоял здоровенный детина, которому тот доставал лишь до плеча. Как ни пытался он заглянуть вперед, ничего не выходило.

— Чего копошишься? — обратился к нему Старый, — Кроме тьмы все равно ничего не увидишь. А как время придет, то отвернуться не сможешь. Даже если и сильно захочется.

— Не нравится мне вот так стоять, и просто ждать.

— А ты чего ожидал? Если хочешь в первый ряд, то мы тебе это мигом устроим, только попроси.— усмехнулся проходящий мимо десятник.

— Да нет, — стусевался воин, — И тут хорошо.

— Вот и славно.

Справа донесся крик, и в небо взметнулись сотни огненных стрел. Воины заворуженно подняли головы вверх, провожая крылатую смерть.

— Началось, значит. — хмыкнул в бороду Рыжий.

Раз за разом, небо озаряли вспышки стрел, исчезающие где-то далеко впереди. Раздался очередной хриплый крик, и небо перед шеренгами осветилось будто бы днем. Загудело пламя, дым, подгоняемый ветром с перевалов, накрыл воинов. Послышались первые звуки стычки.

— Смена! — надрывно закричал чей-то голос.

Детина, стоящий перед Тоби, сделал большой шаг вперед. Ноги наемника сами выполнили шаг. Несмотря на холод и пронизывающий ветер, ладони в перчатках вспотели. Поудобнее перехватив копьё, он глубоко вздохнул и сразу закашлялся, горький дым полыни обжег ему горло.

— Носом дыши, раззява! — крикнул Старый.

Секунды казались вечностью, в глубине души, Тобиас надеялся, что натиск северян ослабнет, и до него очередь так и не дойдет. Однако шаг за шагом, он медленно и неумолимо приближался ко рву. Над головой постоянно проносились огненные залпы стрел, слева и справа одинокие огоньки, словно кометы с завидным постоянством жалили неизвестность впереди. Шум битвы нарастал с каждым шагом, то слева, то справа слышались крики и стоны. Лязг металла заполнял собой все пространство, а свист стрел заглушал дыхание.

— Почему нет ответа? — выкрикнул он старику, указав на небо.

— Ночь. Северные черти, наверное, не умеют стрелять в ночи. — предположил Старый.

Мысленно согласившись с его доводом и поблагодарив богов за такое везение, он вновь уставился в спину детины. После смены, по правое и левое плечо от него проходили уставшие воины, насквозь пропахшие дымом. Казалось, они сами состоят из дыма и огня. Их кафтаны

были горячи, а от голов шел пар. Провожая их взглядом, он замечал, что иногда, с одной из сторон, никто не возвращается, а порой и вовсе никто не проходит.

В какой-то момент детина впереди, под очередную хриплую команду «Смена», наклонил свое копьё, уперев его в сапог.

«Вот, теперь точно началось». — подумал про себя наемник, перехватив копьё поудобнее.

Очередная «Смена», на этот раз уже Тобиас наклонил копьё, и, заняв боевую стойку, наблюдал за тем, как мимо него проходят воины с отсутствующим взглядом. Наемник впереди опустил копьё практически к земле. Звук битвы уже не был где-то далеко впереди. Он был прямо здесь. Слышался лязг металла и неестественный хрип, что раздавался по всей линии обороны. Становилось жарко. Стена огня, начала ослабевать, однако жар, исходивший от нее, мгновенно отогрел замерзшие руки и уже начинал припекать лицо.

И тут он увидел их. Врагов с севера. Это были не люди. И людьми они не были уже давно. Прогнившая плоть, торчащие из-под полуразложившейся одежды кости.

— Мертвяки... — прошептал Тобиас, вперив свой взгляд в догорающий череп, что лежал у него под ногами.

Мимо прошел десятник, повинувшись его приказу, наемник опустил острие копьё, и тот обмакнул его маслянистой тряпкой. Масло, нанесенное на навершие, медленно стекало по древку, в скором времени достигнув перчаток.

«Скользко». — подумал про себя воин.

В этот момент, без приказа, детина подался вперед, откинув ногой тело воина, что упал перед ним. Несколько выпадов, тяжелый вздох и вот уже сам бугай медленно опускается на колени, заваливаясь набок, а из его груди торчит ржавый клинок. Рухнув на землю, он больше не поднялся. А над Тобиасом стоял мертвец, облаченный в ржавую кольчугу, с рассеченным пополам черепом, в провалах глазниц которого светились зеленые огни. Все это произошло за какие-то секунды. Повинуясь инстинкту, Тобиас опустил копьё, и, замахнувшись, вдарил навершием, по уже и так раскроенной черепушке. Голова мертвяка рассыпалась на части, и тот, простояв долю секунды, упал на землю.

Пламя стены жаром облизывало лицо, заставляя пот литься градом. Навершие копьё озарилось желтым пламенем, что начал подступать к древку, затрещало раскаленное масло. Первый шок от увиденного прошел, и теперь воин с неистовством крошил черепа охваченных пламенем врагов, вскоре потеряв им счет. В пылу битвы он не заметил, как сосед по шеренге пошатнулся, зарывшись лицом в холодную землю. В это же мгновение его место занял мертвяк, что, увидев разгоряченного воина, рубанул по его правой руке. Взвыв от боли, тот опустил свое копьё, и, в попытке увернуться от удара, упал на землю. Мертвец уже собирался нанести последний удар, как вдруг замер на мгновение, и упал на землю. Скрежет костей затих, и лишь гул догорающего пламени остался в ночи. Тобиас потерял сознание.

Сперва над полем боя разносились лишь вопли раненых людей, да выкрики десятников. Рыжий и Старый были погребены под остатками мертвяков и воинов Ганста, никто не звал их по имени, и никто не искал их ночной темноте. Тобиаса тоже никто не искал. Его, лежавшего под скелетом, приняли за убитого и прошли мимо.

Неожиданно для всех, по земле прокатился мощный гул, настолько сильный, что с небольших возвышенностей слева и справа сошли небольшие лавины. Легкий треск и хруст прокатился по равнине. Люди, занятые поиском выживших, не обратили на него никакого внимания.

Тобиас открыл слипшиеся от пота веки и замер. На нем лежал тот самый мертвяк, что минутой ранее собирался его прикончить. Сдержав крик, он попытался вылезти из-под него. Как вдруг заметил, что в темноте глазниц вновь зажигается тот самый дьявольский зеленый огонек. Вскричав, он выхватил из-за голенища охотничий нож, и что было сил всадил его в трухлявую черепушку. Огонек вновь погас. Выдохнув, он прислушался. С каждой секундой тихий шелест нарастал, казалось, он исходил из самой земли, и со всех сторон одновременно. В темноте засияли десятки, если не сотни зеленых огоньков. Казалось, сама земля пришла в движение. Освещаемые одним лишь лунным светом, да остатками стены огня, на поле боя вновь вставали мертвецы.

Едва удержавшись от крика, Тобиас поднялся на ноги, и что было сил рванул к скалам. Мысль вернуться в крепость даже не пришла ему в голову. Он лишь бежал, уворачиваясь от поднимающихся мертвецов, что словно вышли из спячки, и поднявшись на ноги, тупо стояли, вперив свой взгляд в сторону крепости. Преодолев огненный ров, он ринулся в сторону перевала. Единственная мысль, что была в его голове — это оказаться как можно дальше от этого проклятого места. Как можно дальше.

Слуха Тобиаса достиг рог, возвещающий об атаке. Люди наконец-то поняли, что еще ничего не закончено, и вновь занимали оборону. А он лишь смотрел на тонкую полоску света, что оставляли факелы на разрушенных башнях. Крики сотников и обычных воинов смешивались в одну какофонию, и лишь мерный хруст снега под ногами тысяч мертвецов, что шли в сторону крепости, не менялся от времени. А он все бежал не разбирая дороги.

Уже долгое время на его пути не встречалось мертвецов. Едва перебирая ногами из-за усталости, он осмелился выйти на утопанную часть равнины. Взглянул на бескрайние белые просторы и ускорил свой шаг, уверенно направляясь на восток. Он стал дезертиром, и на запад путь ему был заказан. Оставалось лишь попытать удачу на востоке, либо замерзнуть насмерть здесь. Решив, что умереть от холода он всегда успеет, наемник лишь ускорил шаг. Спустя некоторое время, луна, скрытая прежде за облаками, осветила перевал, открыв его взору две одинокие фигуры, что стояли, нет, сидели, в самом центре долины. Замедлив свой шаг, он попытался вернуться к скалам, но его уже заметили. Одна из фигур с нечеловеческой скоростью повернула на него свою голову и наблюдала, слегка наклонив ее. В голове послышался нежный женский голосок:

«Подойди, не бойся. Мы не причиним тебе вреда».

Вдруг вся тяжесть пережитого дня и дрянные мысли исчезли из головы, а теплое, обволакивающее спокойствие одурманило его. Дыхание выровнялось, и ноги, вопреки желанию понесли его к парочке, что сидела в снегу. Подойдя поближе, он заметил, что они сидели возле чьего-то тела в окружении десятков трупов. Через несколько шагов он узнал латы, что были надеты на покойника. Разбросанные по темно-багровому снегу светлые патлы довершили образ.

— Странник... — проговорил он, приблизившись к группе.

Девушка, одетая в одну рубашку, все также непрерывно смотрела в его глаза. У нее были красивые глаза. Черные, словно ночь. Но что-то в ней заставляло его ежиться, и не давало расслабиться. Вторым человеком также оказалась женщина. Темные волосы струились по спине, а щеки, с едва высохшими следами от слез были красны.

— Ты знаешь его? — охрипшим голосом произнесла черноволосая женщина.

— Мы... Разговаривали в лагере. Вечером.

— Почему ты здесь? — подала голос другая девушка.

— Я... — замялся Тоби.

— Ты дезертир. — ответила за него женщина.

— Да...

— Куда ты направляешься?

— Не знаю. На восток.

— Думаешь, предателя там примут с распростертыми руками?

— Я не знаю... Я боюсь. Мы били их. Убивали. Но они восстали вновь. В этом нет никакого смысла. Их невозможно остановить.

— Возможно. Но это не в наших силах, помоги нам, а мы в долгу не останемся.

— Что вам нужно?

— Уйти на восток. — твердо сказала темноволосая, и в подтверждение своих слов, протянула ему руку, — Я Розалия.

— Тобиас. — пожал руку воин, — Чем я могу помочь?

— Его... — посмотрела в сторону Странника женщина, — Нужно как-то нести.

— Он мертв. Может, просто сожжем тело?

— Он жив. — твердо ответила женщина, поднимаясь на ноги, — Я вижу там ельник, бьюсь об заклад, из него можно сделать волокуши.

— Жив?! — с удивлением рассматривая обгоревшее лицо и отсутствующую руку, воскликнул Тобиас.

— Жив. Таких, как он так просто не убьешь. А теперь... Теперь и вовсе не сживешь с этого света.

Доверившись женщине, он направился к краю долины, где росли редкие молодые елки. В его голове было пусто. Почему-то он не задавал себе вопросы о том, можно ли доверять этим женщинам. Единственное, что он знал точно, так это то, что он не сможет бросить их здесь, посреди этого холодного ничто.

Взгромоздив тело Странника на волокуши, Тобиас перекинул петлю через грудь, и направился восток. Розалия и ее молчаливая подруга следовали за ним. Время, что было отпущено тьме, заканчивалось, и на горизонте, перед глазами путников начинала расцветать заря. То ли боги, увидев их страдания, смилостивились над ними, то ли другие неведомые силы приложили к этому руку, но метель, бушевавшая последние часы, утихла. Небо полностью очистилось, являя невероятный переход от темноты, что властвовала на западе, до иссиня-белой кромки на востоке.

Волокуши легко шли по утоптанному мертвецами снегу, Тобиас практически не прилагал усилий, чтобы тащить тело.

— Почему ты уверена, что он жив? — высказал свои мысли воин.

— Я знаю.

— Честно говоря, знаниями тут не обойдешься. Он потерял руку, а голова больше напоминает запеченный картофель. Сколько он пролежал на морозе?

— А ты лекарь? — с вызовом спросила Розалия.

— Нет, но повидал в жизни многое. И что-то мне подсказывает, что даже если он и дышит, то не долго. Мороз добьет его.

— Не добьет. Предоставь это мне. Просто тащи.

— Предоставить тебе? Ты что же это, огонь на его кирасе разожжешь? Или своим теплом обогреешь? Я так-то тоже замерзать начинаю, — ухмыльнулся Тоби.

— Просто тащи. Остальное тебя не заботит. — закатила глаза Розалия.

— А кто он вам?

— Друг.

— Хорошие у него друзья. У меня тоже есть товарищ. Жалко, не свидимся мы, скорее всего.

— И где же он? Погребен под трупами в крепости? — огрызнулась раздраженная ведьма.

— Скажешь тоже... Был бы он со мной на стене, я бы и его вытащил. — стушевался воин,

— Нас еще до Сенераша разделили, мою десятку в эту проклятую крепость направили, а его... А его не знаю... Может подтирать зад королю.

— Королю больше не потребуете подтирать зад.

— Чой-то?

— Король мертв.

— Как мертв? — слегка опешил Тоби.

— Ну вот так. Убили его.

— Да... Дела. Ну ничего, один умер — другого посадят.

— Уверен?

— Да, конечно, они же все сплошь марионетки в руках своих министров и графов.

— Для обычного наемника ты слишком много болтаешь. — сощурила глаза Розалия.

— Так, я воином-то нанялся не больше двух месяцев назад. А до этого больше по делам всяким ходил.

— Это каким таким делам?

— Разного... Характера.

— Как скажешь, языка тянуть не стану.

— Спасибо.

Они продолжили свой путь. Впереди замаячила тоненькая светлая фигура.

— А это еще кто?

— Расслабься, это свои.

— Свои? У вас есть свои в Нордланде?

— Нет. — твердо ответила Розалия, ускорив шаг.

Силуэт, стоявший на горизонте, принадлежал Малин, что незаметно улизнула в ночи по приказу Розалии, и шла перед ними, на случай опасности. Сейчас же она дожидалась их. Однако никакой тревоги ведьма не ощутила.

— Погоди-ка, — присмотрелся к фигурке Тобиас, — А как?

— А вот так.

— Она же... Где... — оглядываясь тараторил воин.

— Обогнала нас и шла впереди, чтобы предупредить.

— Да как эта девчонка...

— Она не девчонка, а мавка. Да и я не обычный человек.

— Боги... — остановился как вкопанный Тоби, — Околдовали...

— Никто тебя не околдовывал. Успокойся, мы не причиним тебе зла.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Тобиас продолжил движение.

Приблизившись к мавке, он при свете дня заметил, что глаза ее были темны, а белков не было вовсе. А из спины торчали белые ребра. Сдержав крик, он остановился, когда Розалия поравнялась с ней. Некоторое время они молча стояли рядом, смотря друг другу в глаза. Наконец, видимо, получив приказ от хозяйки, она сорвалась с места и побежала вперед. Проводив ее взглядом, Тобиас молча уставился на ведьму.

— Впереди деревня. Солдат там нет. Обычные люди. Пойдем к ним. Теплый очаг нам не повредит. А то еще немного, и тебе придется тащить два тела.

Деревня, в которую пришли путники, была небольшой, однако тут был захудалый постоянный двор. Хозяин косо посмотрел на компанию, из бессознательного калеки, женщины и мужчины. Откровенно говоря, они не вызывали никакого доверия. Но времена были такие. Войска Нордланда, что долгое время квартировались в этой деревне, отошли внезапно, и теперь неясно было, вернутся ли они просаживать свои богатства обратно, и придут ли новые. Поэтому, недолго думая, он выделил им две комнаты, решив, что с него точно не убудет. Говор выдавал в них выходцев с запада. Беглецы. На всякий случай взял платеж вперед: вдруг поймут их раньше, чем заплатят. По-хорошему, надобно было бы сообщить о пришельцах в гарнизон, но тот ушел вчера вечером, не оставив после себя ничего и никого. В итоге, махнув рукой, хозяин показал им комнаты, и принял заказ на еду. Женщина ему понравилась сразу. Было видно, что последние дни ее изрядно помотали, однако дорогая шубка и щедрая оплата возымели на трактирщика необходимое давление, и вопросов он не задавал.

Когда хозяин удалился, они кое-как затащили тело Истредда наверх и разместили на полу, между двумя жесткими кроватями. Розалия запретила класть его на них, сославшись, на то, что он весь в грязи и копоту.

— А ты уверена, что он жив? Я не слышу ни дыхания, ни сердцебиения.

— Лишь потому, что ты глух и слеп. Помоги снять с него все это.

Возведя глаза к небу и оставив при себе замечание про всезнающих женщин, Тоби принял расстегивать оплавившиеся доспехи.

— Боги праведные, кто же его так? Точнее, как? Чтобы доспех так оплавился, ему нужно пролежать в огне не меньше часа. Уверен, что его внутренности спеклись еще до того, как поплыло железо.

— Колдун Нордланда. Ты не встретил его, когда бежал?

— Нет. Я пробирался стороной, словно заяц. Ни я, ни меня никто не приметил.

— Значит, тебе повезло.

— У меня тут это... Вопрос...

— Слушаю. — расстегивая остатки кафтана Странника, ответила Розалия.

— Я в жизни своей никогда в богах не сомневался. И в силах, что им противостоят тоже. Может, я и не только благие поступки совершал, но и богов чтил.

— Переходи к сути. Если ты собрался здесь исповедоваться, то я не одна из твоих жрецов, только зря время потеряешь.

— Да, я это вот к чему. — сбился Тобиас, — Ты правда ведьма?

— Ведьма, ворожея, целительница, травница, волшебница, колдунья и все в этом духе. Да. Только не советую тебе об этом трепаться. Ты еще жив и находишься здесь лишь потому, что приглянулся Малин, да и в одиночку мы бы не дотащили его досюда.

— Приглянулся? Мавке?

— Не забивай себе ерундой голову, дай нож. — протянула руку к сапогу мужчины ведьма, — Малин — мавка. Ей доступны твои помыслы, желания и даже прошлые поступки, за которые ты коришь себя. Она решила, что тебе можно довериться, ничего больше.

— Никогда бы не подумал, что вот так увижу их.

— Все когда-то бывает впервые. Но на будущее советую тебе обходить их стороной. Не все такие воспитанные, как моя малышка.

Разрезав остатки рубахи, она открыла поврежденную руку. Пламя было настолько жаркое, что моментально спалило плоть, закрыв коркой раны.

— Везучий баран. — ухмыльнулась Розалия.

— Не думал, что это, — обвел взглядом покалеченное тело Тоби, — Можно назвать везением.

— Он мог попросту умереть. И тогда это не было бы везением. Давай поднимем его на кровать.

Осторожно подняв тело, они опустили его на жесткие доски.

— Собери вещи и брось в печь. И раздобудь где-нибудь ветоши, доспехи надо будет спрятать. Но сначала принеси мне горячей воды. И побольше. — осматривая глаза Истредда, скомандовала Розалия.

— Да, сейчас. — замешкался Тобиас, пытаясь вспомнить, когда он успел согласиться быть на побегушках у ведьмы.

— В тот момент, когда осознал, что без меня тебе здесь не выжить. Первый же патруль опознает в тебе дезертира и вздернет на ближайшем дереве. Разумеется, предварительно получив ответы на такие вопросы, о которых ты даже не помышлял, и, разумеется, такими методами, что твоим богам и не снились.

— Ты читаешь мысли?

— Этого не требуется, у тебя все на лице написано.

Выдохнув, он вышел из комнаты. Дождавшись, когда его шаги стихли, Розалия открыла небольшой кошель, что висел на поясе, и достав оттуда несколько трав, принялась их смешивать.

К моменту, когда Тобиас принес воду и чистые тряпки, у нее уже была готовая смесь из трав, что были знакомы только ей. Выпроводив воина за дверь, она начала медленно омыwać тело странника, избавляя его от копо́ти и грязи. Когда с этим было покончено, она смешала перемолотые травы с маслом и принялась выводить рунические узоры на его груди вокруг сердца. Закончив, она раскрыла свой гримуар и, найдя нужную страницу, начала петь. Пела тихо, едва слышно для человека, что стоял бы за ее спиной. Это была грустная и медленная песнь. Даже если бы ее кто-то подслушивал, он все равно бы не понял ни слова из сказанного, ибо язык, на котором она пела, был давно мертв, а носителей не осталось и вовсе. Песня была долгой. Мимо комнаты то и дело сновали люди, а солнце успело подняться до верхней точки на небосклоне. Наконец, песня жизни была спета. Тяжело вздохнув, она закрыла гримуар и подняла уцелевшее веко Странника. Зрачок, что еще недавно был подернут белесой, дымкой сиял ярче неба. Удовлетворившись результатом, она накрыла тело одеялом и провалилась в сон на соседней кровати.

Ослепительная вспышка и темнота. Темнота окутывающая. Темнота спасительная. Темнота единственная. Темнота любимая. Хранимая и нежная. Спасаемая и спасенная.

Как долго темнота вокруг? Сколько часов? Дней? Недель? Лет? Сколько верст в темноте?

Где свет? Где хоть одна частица света? Проблеск? Легкий утренний зайчик, что нежно ложится на тяжелое веко и мешает заснуть. Что тянет на поверхность из сна и заставляет раскрыть очи.

Открыть глаза. Но зачем? В чем смысл их открывать? Ведь все кончено. Совсем.

— Почему ты в этом так уверен? — голос из ниоткуда.

— Где ты?

— Я здесь и повсюду. Рядом и далеко.

— Кто ты?

— Ты знаешь.

— Я забыл.

— Нет. Ты ничего не забыл.

— Идде?

— Ты называешь меня так.

— Я мертв?

— Нет, Истредд. Ты живой.

— Почему вокруг тьма?

— Ты пока не готов увидеть свет. Тебе сильно досталось.

— Я плохо помню, что произошло. Помню лишь жестокую рубку. Десятки мертвых тел.

Горячую кровь.

— И это все было.

— Потом я увидел его. А после... Яркая вспышка и... Ничего. Тьма.

— Да. Ты должен был умереть. Уверена, в какой-то момент тебе это удалось, однако у богов на твой счет другие планы.

— Боги спасли меня?

— Нет. Тебя спасла я.

— Кто ты?

— Ты знаешь. Я Идде.

— Нет, кто скрывается за этим именем и образом?

— Сила, что была неподвластна тебе тогда, и неподвластна до сих пор.

— Значит, ясновидец был прав. Ты не Ветер.

— Ветер покинул тебя, Странник. Покинул в момент, когда ты умер. Она освободилась и вернулась на вершины Хронты. Теперь здесь лишь я.

— Зачем я тебе? И зачем ты мне?

— Ты мой сосуд. Вместе с твоей жизнью оборвалась и жизнь клинка. Нерушимый и вечный, он не выдержал напора магии и раскололся. Сила, вырвавшаяся из него, была мною. Я выбрала твое тело и спасла твою жизнь.

— Значит, мы оба были нужны друг другу.

— И до сих пор нужны. Без меня ты умрешь, а без тебя моя сила растворится в мире.

— Звучит, как хороший конец для нас обоих.

— Может это и так. Вот только я не собираюсь уходить не отомстив. А ты не собираешься уходить, не защитив своих друзей.

— Они в состоянии о себе позаботиться.

— Никогда не будь уверен в чем-либо полностью.

- Я всегда уверен в Истине.
- Ты устал и говоришь о другом. Отдохни. Я вернусь позже...
- Стой...

Тьма. Непроглядная тьма. Тьма осязаема. Она течет сквозь пальцы, ее можно ощутить. Ее можно потрогать. Она холодна, словно острие клинка. Она тепла, словно плоть человека. Она горяча как пламя. Она вокруг и нигде одновременно. Она все и ничего, вместе взятое. Но тьма не одинока. Без света не бывает тьмы. А без тьмы не бывает света. Значит, если есть тьма, то рядом должен быть свет.

Он попытался открыть глаза. Ничего не получилось. Но появился просвет. Легкий отблеск. Тот самый утренний зайчик, что падает на ладонь, позволяя себя поймать.

Свет. Яркий и невероятный. Он заливает все вокруг. Он не оставляет тьмы. Он убивает ее. Она прячется. Прячется в тени. Прячется в глубине тела.

Он лежал в высокой траве, над ним проплывали облака, а синее небо слепило. Вокруг раздавалось жужжание насекомых. Вот мимо пролетела пчела, занятая своими делами. Где-то квакала лягушка. Как же хорошо.

Истредд попытался встать, как обычно, оперевшись на руку. Не получилось. Вместо ожидаемой опоры, он не встретил ничего. Бросив взгляд на свою правую руку — он не обнаружил ее. Воспоминания лавиной нахлынули на него.

Ночь, холодный перевал, старик с посохом из черепов, яркая вспышка, обжигающая боль в руке. Все вставало на свои места.

Опершись на здоровую руку, он все-таки поднялся и осмотрелся. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалось бесконечное зеленое поле, полное разных цветов.

Недалеко от него в траве сидела девушка со светлыми волосами.

— Идде? — непроизвольно позвал ее мужчина.

Она повернула голову. Да, это была она. Улыбнувшись, она вспорхнула над полем и подошла к нему, опустившись перед ним на колени.

— Тебе с каждым днем все лучше.

— Где мы?

— В поле, — пожала плечами девушка, оглянувшись, — Я хотела создать что-то безмятежное и расслабляющее.

— У меня много вопросов.

— А у меня есть ответы. Не уверена, что смогу тебе их все дать, но давай попробуем.

— Ты сказала, что Ветер покинул меня?

— Да.

— Кто я теперь?

— Истредд. Кем ты был, тем и остался. Тебе не нужен Ветер, чтобы быть собою.

— Она часть меня.

— Теперь я твоя неотъемлемая часть. Я помогу тебе. И моя помощь будет не меньше.
— поджала губки Идде.

— Кто ты?

— Я сила, что была заключена в клинке. Клинок утрачен, и я нашла свое убежище в тебе.

— Ты выдавала себя за Ветер все это время?

— По большей части.

— Зачем?

— У меня свои цели. Когда-нибудь ты узнаешь.

— Моя рука.

— Сожжена, также как и левый глаз.

— Глаз? — Истредд коснулся лица, и ощутил лишь рубец, что был на месте глазницы.

— Ты не заметил разницы, потому что я так сделала. В реальном мире, боюсь, ты ощутишь его отсутствие быстрее. Твоя смертная оболочка хрупка, а я была заперта в клинке и не смогла защитить ее от магии, что обрушилась на нас.

— Когда я смогу вернуться?

— Скоро. Розалия старается вернуть тебя, я помогаю. Наберись терпения и отдыхай. Скоро нам будет не до отдыха.

Приблизившись к его лицу, она осторожно поцеловала его в щеку.

Он открыл глаз спустя шесть дней с момента битвы. Все это время Розалия практически не отходила от его тела и несколько раз в день читала заклинания из своего гримуара.

Яркий свет, заливающий потолок, заставил его мгновенно закрыть глаз. Попытался прикрыть ладонью лицо, но тяжелая рука едва двинулась с кровати.

— Тише, — нежно произнесла колдунья, — Не торопись. Даже если ты и спешил куда-то, то уже опоздал.

— Сколько... — прохрипел Истредд и сразу закашлялся.

— Почти неделя, — поднеся к его лицу чашу с водой, ответила Розалия.

— Я нашел их. Я...

— Да. Я видела. Вернее, видела то, что от них осталось. Побереги свои силы.

— Они устояли?

— Сомневаюсь. Когда я пробиралась к вам, я встретила последнего. Он поднял армию вновь.

— Ты же говорила, что невозможно контролировать более десяти мертвецов одновременно. Как ему удалось поднять их всех?

— Не знаю. Искусство востока — загадка для нас.

— Подожди, а почему ты здесь? И где это здесь? Где мы?

— Боги... Как много вопросов. Мы за Сенерашем в Нордланде. Я не рискнула идти за армией в одиночку, да еще и с тобой. А я здесь, потому что Ласло предал вас. Он не собирался подводить основные силы, а просто отступил вглубь страны.

— Да, я знаю. Воевода поведал мне план. Он показался мне разумным.

— Я так не думаю.

— Даже вся армия Ганста не смогла бы их остановить. У нас было слишком мало информации, и мы ошиблись в месте. — попытался привстать Истредд.

— Тише, твоя рука... — удержала его Розалия.

— Я знаю. — откинулся на подушке мужчина.

— Раз уж ты проснулся и не собираешься оставлять меня в покое. Расскажи, что случилось на перевале?

— Начало ты уже слышала. Их было человек тридцать. Все шли словно во сне. Не реагировали ни на что. Перебил их словно скот. Одного упустил. Но он не стал говорить со мной.

— Неудивительно, раз ты вырезал всех его марионеток.

— Да. Я собирался покончить и с ним, но не смог. Он снес меня одной вспышкой. Больше я ничего не помню. Ты говорила, что встретила его. Расскажи.

— Мне нечего добавить. Я почувствовала силу задолго до того, как увидела его. Он был слишком силен для любого из нас. Все, что я могла сделать, это заглушить свой дар и спрятаться словно мышь в снегу, ненаблюдать. А потом он поднял мертвецов. Сотни, если не тысячи. И продолжил движение на запад.

— Нам надо предупредить Ласло. Он не сможет...

— Некого предупреждать, король мертв.

— Мертв?

— Да. Я его убила. — отвела взгляд Розалия.

— Ты... Что? — опешил Истредд.

— Я разозлилась, — выдохнула ведьма, — Этот молокосос уже и так порядком мне надоел к тому моменту. Вспылила, бывает.

— Кто-то мне рассказывал, что еще долго будет сохранять рассудок.

— Хорошо, что ты больше не Странник Ветра. А то, я бы начала переживать за свое благополучие, — ухмыльнулась колдунья.

— Ты почувствовала это?

— Отсутствие Ветра? Да.

— Пока я был без сознания, ко мне приходила Идде.

— Идде? — удивленно подняла брови Розалия. — Тогда все сходится!

— Ты о чем?

— О тебе. То, что ты пережил, точнее, не пережил, в общем, ты должен быть давно мертв. И я уверена, что в какой-то момент таким и был. Значит, сила Ангурвадала теперь в тебе.

— Да. Она сказала, что я теперь ее сосуд, что бы это ни значило.

— Это то и значит. Клинок был разрушен. И сила нашла ближайшее пристанище. Черти! Как же нам повезло!

— Не думал, что ты так сильно обрадуешься моему воскрешению.

— Да оно-то тут причем, — отмахнулась ведьма, — Нет, я, конечно, этому безумно рада, но если бы удача была не на нашей стороне, то сила клинка ушла бы к тому колдуну.

— Вот оно что. Но это еще не все. Идде сказала, что у нее есть цель.

— Какая? — заинтересовалась Розалия.

— Она сказала, что пока что рано, и что я узнаю это позже.

— Опять загадки. Ладно. Достаточно на сегодня прозрений. Тебе нужен покой и отдых.

Попробуй поспать. Тебе нужно восстановиться. И как можно быстрее. Мы торчим уже с неделю на самой границе, скоро тут будет жарко. Сегодня Тобиас заметил гонца, что вернулся с запада. Вероятно, сюда скоро подтянутся войска. Не думаю, что у нас будут ответы на их вопросы.

— Я не буду обузой. — твердо ответил Истредд.

— Конечно не будешь. А теперь спи. — колдунья приложила ладонь к его лбу, и глаз странника начал медленно закрываться.

— Подожди... А кто такой Тобиа...

Истредд уснул, не закончив вопроса.

— Насколько все проще, когда твой Ветер не защищает тебя, — ухмыльнулась Розалия.

Поднявшись на ноги, укрыла его одеялом и вышла из комнаты. Оказавшись на улице, она расслабленно вздохнула и закрыла глаза, направив лицо лучам солнца, что уже начинало прогреваться, готовясь к будущей оттепели. Завидев ее, из конюшни подошел Тобиас.

— Он проснулся. — не открывая глаза, проговорила колдунья.

— Это славная новость. Когда он сможет встать на ноги?

— Дня три. Может, четыре. Его сильно потрепало. Ты узнал?

— Пока все тихо. Никто ничего не знает. Про нас тоже молчок. Коней нам не видать. Тут их всего с десяток, и берегут их, почище золота.

— Я с этим разберусь.

— Может, не стоит? — почесал затылок Тоби, — Жизнь тут небогатая, а лошади им нужны.

— Нам они нужны не меньше. Я дам им хорошую цену. — отмахнулась Розалия, разворачиваясь на носках.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.